

Отчетъ о четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1860.

Мы намѣрены говорить здѣсь только о той части этого отчета, которая касается премій по драматической словесности. Всѣмъ извѣстно, по крайней мѣрѣ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежить, что академія присудила большія уваровскія преміи г. Островскому за *Грозу* и г. Писемскому за *Горькую Судьбину*. Объ этихъ драмахъ, и именно о *Грозѣ*, много говорилось и безъ сомнѣнія много еще будетъ говорить; мы не будемъ здѣсь судить объ нихъ, а возьмемъ прямой вопросъ, который возбуждается книжкой съ вышеозначеннымъ заглавіемъ. *Отчетъ* даетъ публикѣ отчетъ о томъ, *какимъ образомъ академія поступала, присуждая преміи?* Дѣло любопытное.

Г. академикъ К. С. Веселовскій въ рѣчи, торжественно читанной 25 сентября 1860, прямодушно излагаетъ весь ходъ этого дѣла. Мы знакомимся съ нѣкоторыми подробностями, съ нѣкоторыми выводами, для насъ не совсѣмъ понятными.

И дѣйствительно раскрываются тайны необыкновенныя, поразительныя. Г. Веселовскій отъ лица академіи во-первыхъ объявляетъ, что *судить объ изящныхъ произведеніяхъ невозможно*. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ не говоритъ этого прямо, то кажется только по требованіямъ красоты слога; но вотъ его собственныя слова:

«Искать въ этой сферѣ непреложнаго мѣрила и положительныхъ законовъ было бы также напрасно, какъ стараться согласить всѣ вкусы. Затрудненіе это, въ наше время, самые даровитые литературные критики сознали уже довольно ясно и преемники тѣхъ самыхъ людей, которые прежде твердили о непреложныхъ законахъ поэзіи или поэтическаго вкуса, теперь скромно отказываются отъ старыхъ притязаній. Въ наше время уже многіе держатся того мнѣнія, что если высказать свое сужденіе о литературномъ трудѣ легко, то доказать его въ такой мѣрѣ, чтобы оно не могло уже служить источникомъ дальнѣйшаго спора, нѣтъ никакой возможности.»

Вотъ глубокомысленныя положенія, которыя рѣдко можно встрѣтить въ такомъ ясномъ и откровенномъ изложеніи. Вкусъ, значить,

есть только *личное впечатлѣніе* (такъ изъясняется далѣе и самъ г. академикъ), нѣкоторая прихоть, не управляемая никакими законами, въ родѣ тѣхъ странныхъ прихотей, которыя бываютъ у беременныхъ женщинъ и иногда сопровождаются даже припадками сумасшествія. Законовъ для вкуса нѣтъ; вкусъ стало быть похожъ на того дурака, для котораго по русской поговоркѣ *законъ не писанъ*. Осмѣлимся замѣтить однакоже, что такія убѣжденія г. академикъ напрасно приписываетъ всей нашей критикѣ. Есть у насъ разныя критики; бываютъ и такія, но вообще сказать о нашихъ критикахъ этого нельзя и заслуга мыслей, выраженныхъ г. Веселовскимъ, должна, хотя отчасти, относиться лично къ нему.

Вотъ и мы не согласны съ г. академикомъ. Намъ весьма удивительно, что онъ стоитъ на такой ложной точкѣ зрѣнія и имѣетъ въ виду такую фантастическую цѣль. Какимъ образомъ онъ могъ имѣть въ виду странное желаніе *согласить всѣ вкусы*? Какимъ образомъ онъ могъ подумать, что *можно что нибудь доказать такъ, чтобы оно не могло уже служить источникомъ дальнѣйшаго спора*? Кто же придаетъ подобнымъ мечтамъ? И можно ли хоть что-нибудь вывести изъ того, что эти мечты несбыточны?

Если астрономы до сихъ поръ не успѣли убѣдить cadaго жителя сей юдоли, что *земля вкругъ солнца обращается*, то что же дивнаго въ томъ, что мы напримѣръ не можемъ убѣдить какого-нибудь господина NN, господина очень учонаго и почтеннаго, въ достоинствахъ *Грозы*? Между тѣмъ эти достоинства для человѣка понимающаго могутъ быть также несомнѣнны, какъ для г. Веселовскаго обращеніе земли около солнца.

Отъ проницательности г. академика не могло ускользнуть то обстоятельство, что искусство должно находиться въ нѣкоторомъ правильномъ отношеніи къ природѣ человѣка и къ человѣческой жизни, что жизнь по мнѣнію многихъ управляется глубокими и разумными законами и что слѣдовательно само искусство необходимо получаетъ опредѣленное законоположеніе, непреложныя правила. Въ отвѣтъ на это г. Веселовскій подробно излагаетъ, что *жизнь* по его мнѣнію не имѣетъ законовъ. Вотъ его собственныя слова:

«Драматическая сторона жизни есть нечто едва ли доступное для систематического изучения и для вывода постоянных и непреложных законов. В ней и вокруг нея группируются самые разнообразные, самые неуловимые, неопределенные и таинственные элементы в мире психологической и исторической деятельности человека: прихоти вкуса, противоречия воли, порывы страстей, борьба личных особенностей характера между собою и с приговором судьбы, словом все, чем наука еще не овладела и может быть никогда не овладеть.»

Поразительная истина! Ясно, что жизнь есть хаос, в котором ничего разобрать нельзя. Все неопределенно и неуловимо; везде прихоти, порывы и противоречия, а над всем царить неумолимая судьба. Очень сожалеем вместе с г. академиком, что наука до сих пор еще не овладела тайною *приговоров судьбы*.

Тогда бы может быть хоть парижская и лондонская академии сообщили бы нам что-нибудь об этих приговорах.

Чтобы яснее выставить всю невозможность суда над литературными произведениями, г. Веселовский противопоставляет этому суду оценку ученых произведений. Такую оценку, по его словам, могут сделать только немногие, люди глубоко сведущие, но за то путь перед ними открытый, прямой и заключения их безошибочны. И в этом случае к сожалению мы не можем согласиться с почтенным академиком. Конечно он не станет отрицать того факта, что например в академиях заседают люди глубоко сведущие, а между тем стоит заглянуть в истории академий, чтобы убедиться, что очень часто новые открытия, бессмертные подвиги в науке встречались этими учеными собраниями с презрением и подвергались жестокому гонению. Известно (приведем хоть один пример), что парижская академия долго отвергала теорию всеобщего тяготения Ньютона, отвергала простейшую и важнейшую теорию, образец теорий, славу знаменитейшего из ученых.

Как видно и ученым трудам, если они выходят из ряда вон, достается та же судьба, как нередко и лучшим литературным произведениям; и их также не все умеют ценить, и им приходится

собственной силою пробиваться сквозь равнодушіе и грубое непониманіе.

Очень жаль конечно, что міръ ужь такъ устроенъ; но только въ немъ нѣтъ готовыхъ масштабовъ для очень многихъ вещей. Мѣрять достоинство и величіе приходится не аршиномъ, не вѣсами или какимъ-нибудь термометромъ, что всякій могъ бы сдѣлать, а какимъ-то мудренымъ процессомъ въ головѣ, такъ что многіе люди, даже очень почтенные и очень ученые, оказываются совершенно неспособными быть судіями дѣлъ человѣческихъ. Что же дѣлать! Такая ужь видно наша судьба; авось проживемъ и такъ.

Но обратимся къ нашимъ драмамъ. Читатель вѣроятно уже задавалъ себѣ вопросъ: какимъ же образомъ академія, принимая, что вѣрная оцѣнка ихъ невозможна, однако же оцѣнила ихъ? Да, дѣло мудреное. Вотъ что говоритъ г. Веселовскій, послѣ выписаннаго нами объясненія всей трудности этой оцѣнки.

«Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что всякая оцѣнка въ сферѣ изящной словесности невозможна? Нѣтъ. Отсутствіе теоретическаго ея основанія не заключаетъ въ себѣ еще достаточной причины отвергать ея чисто практическую возможность.»

Не правда ли, хитро? Теоретически — выходитъ совершенно невозможно, а практически — очень легко. Между тѣмъ мы можемъ убѣдиться въ этомъ на дѣлѣ, самымъ фактомъ, вѣдь оцѣнила же академія представленныя ей драмы, не имѣя для этого *никакихъ теоретическихъ основаній*. Да, если хорошенько подумать, такъ оно выйдетъ именно такъ; гораздо легче и удобнѣе, не вдаваясь ни въ какія теоріи, поступить прямо практически.

Поэтому намъ кажется крайнею ошибкою со стороны г. академика, что онъ вслѣдъ затѣмъ принимается излагать основанія практической оцѣнки; этого вовсе не нужно, это теорія! Вотъ что говоритъ г. Веселовскій.

«Вещь хороша, если она лучше другой; дурна — если хуже; хороша, если всѣ или большая часть считаютъ ее хорошею, а если

нѣтъ — то дурна. Далѣе этихъ простыхъ, осязательныхъ умозаключеній практическая оцѣнка не идетъ.»

Шаткая, очень шаткая теорія! Мы не можемъ назвать ее хорошею, даже если бы прибѣгли къ тому практическому замѣчанію, что *бываетъ и хуже*. Нѣтъ! хуже этого ничего быть не можетъ. Г. Веселовскій находитъ здѣсь какія-то *умозаключенія*; положительно увѣряемъ, что въ его словахъ нѣтъ и тѣни какого-нибудь умозаключенія. Вещь хороша, если многимъ нравится, — это вовсе не умозаключеніе; умозаключеніе выйдетъ, если скажемъ такъ: вещь многимъ нравится, слѣдовательно есть же въ ней *что-нибудь* хорошее. И затѣмъ, если ужь пойдти путемъ умозаключеній, то отыскивая въ вещи хорошее, но не упуская изъ вида и дурного, можно дойти до того, что вещь окажется въ сущности дурною.

Нѣтъ, ужь лучше не пускаться въ умозаключенія, а идти прямо практическимъ путемъ.

«Въ практической оцѣнкѣ произведеній изящной словесности, (пишетъ онъ), главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ окончательнаго сужденія является общее мнѣніе образованнѣйшей части общества, или по крайней мѣрѣ мнѣніе большинства.»

Вотъ это ясно; метода какъ нельзя болѣе практическая! Ненужно имѣть своего мнѣнія, а должно подчиняться общему мнѣнію — конечно это легко и удобно. Г. Веселовскій весьма справедливо старается выставить все достоинство этой методы.

«Такое основаніе и такую мѣрку Академическая Коммисія должна была принять въ настоящемъ случаѣ, чтобы добросовѣстно исполнить свой долгъ.»

И далѣе:

«Всякій шагъ за эту черту поставилъ бы ее въ ложное положеніе повѣреннаго, превышающаго точный смыслъ своихъ полномочій, вывелъ бы ее на арену литературно-критическихъ споровъ, чуждыхъ характеру и назначенію академіи.»

Превышеніе полномочій дѣйствительно есть дѣло легкомысленное. Намъ это напоминаетъ рѣчь того префекта, который благоразумно *рѣшился* не привѣтствовать короля пушечными выстрѣлами. Какъ извѣстно, у него на это было множество причинъ; только по одной неловкости онъ выставилъ на первомъ мѣстѣ ту, что у него не было пушекъ.

Что же касается до *арены споровъ*, то замѣчаніе г. Веселовскаго также какъ нельзя болѣе практическое. Академія весьма благоразумно не вступаетъ на эту пыльную и бойкую арену; чуждаясь споровъ, академія весьма справедливо предпочитаетъ давать публикѣ одни свои рѣшенія и приговоры. Такъ въ прошломъ году три академика гг. Бэръ, Брандтъ и Миддендорфъ обнародовали въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» свой приговоръ противъ нашего натуралиста Сѣверцова. Хорошо, что г. Сѣверцовъ человекъ не робкій; какъ извѣстно, онъ успѣлъ спастись отъ Коканцевъ; понятно, что ему были ни почемъ трое нѣмецкихъ ученыхъ.

Что же сдѣлала въ настоящемъ случаѣ академія? Какъ она успѣла поймать *общее мнѣніе*?

«Коммисія подвергнула каждую изъ двухъ упомянутыхъ драмъ сужденію избранныхъ ею писателей, занимающихъ по своимъ талантамъ почетное мѣсто въ современной литературѣ.» За тѣмъ г. П. А. Плетневъ подвелъ общій итогъ сужденій.

Что же касается до выбора критиковъ, то намъ кажется, коммисія отступила отъ своихъ мудрыхъ началъ; драмъ она не умѣетъ судить, а критиковъ, какъ оказывается, сейчасъ оцѣнила, сейчасъ взвѣсила и ихъ таланты. Очевидно выборъ критиковъ основанъ на *личномъ вкусѣ* коммисіи, а слѣдовательно настаетъ полное сомнѣніе, дѣйствительно ли *итогъ* ихъ мнѣній совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ.

Мы можемъ сказать положительно, что выборъ критиковъ былъ какъ-то очень неудаченъ и докажемъ это изъ самаго *Отчета*.

Доставлено было *восемь* пьесъ. Для нихъ было избрано восемь критиковъ.

Пять *пьесъ* — оказались негодными; мы вполне увѣрены, что это сужденіе было сдѣлано съ полнѣйшею основательностью. Но насъ

смущаетъ слѣдующее: *объ шестой пьесѣ не было доставлено никакого отзыва*, а потому она была отложена до конкурса будущаго года. Коммисія состояла изъ семи академиковъ; она нашла восемь, а потомъ еще двухъ, итого десять достойныхъ критиковъ; какъ же это случилось, что она успѣла оцѣнить только двѣ драмы, а третью (*Псковитянку* г. Мея) не успѣла? А что если это произведеніе вполне прекрасное? Если ея автору дѣйствительно нужны поддержка и поощреніе? Если онъ трудился, имѣя ихъ въ виду? Годъ — время большое; конечно, если бы академія отложила на годъ только свое сужденіе — съ этимъ можно бы было помириться; но ждать еще годъ преміи — отсрочка весьма печальная.

Затѣмъ изъ остальныхъ двухъ пьесъ *Гроза* досталась для разбора *И. А. Гончарову*, а *Горьская Судьбина* *А. С. Хомякову*. Что же вышло? Отзывъ перваго составляетъ только двѣ страницы, а втораго только три. При этомъ г. Гончаровъ извиняется, что онъ боленъ.

Понятно, что академія желала нѣсколько болѣе отчетливыхъ отзывовъ; и вотъ она снова даетъ разбирать *Грозу* г. Галахову, а *Горькую Судьбину* г. Н. Д. Ахшарумову. Послѣдній представилъ довольно полный, но все еще не совершенно-полный разборъ, но г. Галаховъ — опять неудача! просить извиненія въ краткости — по случаю своего отъѣзда въ Москву. Такимъ образомъ семь академиковъ и десять критиковъ одну драму совсѣмъ упустили изъ вида и произвели четыре разбора, изъ которыхъ три тощи такъ, какъ только это допускало самое снисходительное приличіе.

Но и тутъ еще не кончились бѣды. Отзывы о драмахъ имѣютъ очень опредѣленную физиономію. Оба критика *Грозы* находятъ только достоинства и красоты въ драмѣ; оба критика *Горькой Судьбины* сильно упираютъ на важные недостатки драмы. Что же дѣлаетъ академія? Какъ она выводитъ *итогъ*? Послушаемъ г. Веселовскаго.

«Съ перваго взгляда можетъ казаться, что отзывы гг. Хомякова и
НЕ ЗАКОНЧЕНО